

Уланова Т.С.

СОВРЕМЕННИКИ

НЕ ЗНАЮ, наденет ли послезавтра, в день своего рождения, Галина Сергеевна Уланова свое любимое кольцо, на котором два лебединых крыла обрамляют лицо Анны Павловой. Это кольцо символическое. Его сделал знаменитый представитель изысканного стиля модерн, пытавшегося красотой спасти мир, француз Рене Лалик в честь Анны Павловой. Сделал в 1910 году на излете времени модерн, в том самом году, когда в далекой России, в снежном январском Петербурге, в семье артистов балета Марии Федоровны Романовой и Сергея Николаевича Уланова родилась дочь Галия.

А много лет спустя в Москве французский балетмейстер Морис Бежар снял кольцо со своей руки и подарил той, которой «сона принадлежало по праву — великой Галине Улановой».

Таких таинственных, таких символических совпадений в жизни Галины Сергеевны было много.

Эвелина Курнанд, считавшая французский язык родным, имевшая американское подданство и бабушку, родившуюся в Венгрии, увидела Галину Сергеевну Уланову впервые на сцене во Флоренции в 1951 году. С тех пор Эвелина не пропускала ни одного из выступлений Улановой за рубежом, где бы она не была, основала балетную группу, взяла себе псевдоним Анна Галина, соединив в нем имена Павловой и Улановой, и выучила в совершенстве русский язык. А все свое немалое состояние тратила на покупку русского искусства, связанного с русским балетом.

И когда Галина Уланова вместе с главным художником Большого театра Вадимом Рындним пришла в Париже в студию Натальи Гончаровой и Михаила Ларионова, выяснилось, что последние годы этих неповторимых художников были бы намного тяжелее, если бы не помочь Анны Галиной — Эвелины Курнанд.

А теперь в доме Галины Сергеевны хранятся (рядом со столом писем от Сергея Лифара, начинаяющихся одинаково: «Я к вам пишу, чего же боле...») перевязанные ленточкой письма, на которых московский адрес написан падающим старческим почерком Ларионова. И лежит любительская карточка: два пожилых, скромно одетых человека печально смотрят в объектив — Гончарова и Ларионов.

«...Вот вы уже уезжаете... Теперь мне нужны мои плохо ходящие ноги, чтобы поехать в любимую Москву, которую не видел уже больше сорока лет, как уехал весной 1915 года, подбитый в Восточной Пруссии, на поправку к Дагилееву. А теперь меня могут поправить только в Москве — как изменился мир! Новый город выстроили новые люди... Создали Уланову, но надо было ею родиться. Что меня поразило в ней — это ее такт. Такие люди создаются не легкой жизнью и работой — нужно иметь талант, но главное раздите его и примените...»

Башкортостан преданный

М. Ларионов.

«...Меня теперь часто спрашивают, что говорила Галина Сергеевна. Но во время ее посещения в била вся зрение и волнение и почти ничего не запомнила, как это бывает в болезненном сне. Обо всем этом я не писала, так как хорошо понимаю, что объяснений в любви она получает несчетное количество. Это письмо вам обоим и, если не найдете его излишним, прочитайте его и ей...»

Наталья Гончарова.

Ларионову не удалось увидеть любимую Москву и подлечить больные ноги. И он, и Гончарова вернулись в Москву в 1983 году — в картинах, экспозициях декораций, рисунках. Эту коллекцию, которой цепь нет, подарила Анна Галина, написавшая в дарственном письме: «Я, Эвелина Курнанд, передаю в дар... стране, которая создала величайшую, гениальную артистку Г. С. Уланову... коллекцию картин и письм от историй балета».

В моем блокноте сохранилась запись последнего разговора с Эвелиной Курнанд. Уже давно ушли из жизни Гончарова и Ларионов, и она мне рассказывала, как они в одну из последних встреч говорили о Галине Сергеевне, «пытаясь разгадать ее тайну». Я спросила: разгадали ли? Эвелина ответила: «Нам издали было это трудно».

О тайне говорили многие. И я, услышав знакомое, не спросила, а что же они в это понятие — тайна — вкладывали. А теперь уже и не спрошишь: Эвелины Курнанд тоже нет.

«О, вы и представить себе не можете, что значит в Америке имя Улановой. Успех, триумф — это это слишком невразительные

6/1 - 1990 г.

жизни не принимать того, что было низкопоклонной стихией, оказывать сопротивление всему, что было ей чуждо.

У нас мало писали о том, что балетов, поставленных специально для Улановой, было намного меньше, чем она того заслуживала. У нас мало писали о том, что когда-то собиралисьставить балет с Улановой в роли Жанны д'Арк, о которой она давно мечтала. Начались репетиции. Уланова, как говорят, свидетели их, «была блестательна». И когда отредактировали уже первый акт, посоветовали (приказали?) его переделать. Уланова создавала образ девушки, озаренной божественным пророчеством, верой, и это не принималось. Требовалось нечто иное, с верой не связанное. Рассказывая однажды об этом, Галина

ТАЙНА

ГАЛИНЫ УЛНОВОЙ

Сергеевна сказала: «Мне стало неинтересно, скучно».

Уланова от роли отказалась. Так же, как отказывалась от многих других лестных вроде бы предложений, если они не совпадали с ее человеческим достоинством, с ее принципами, с ее понятиями чести и совести.

Однажды Владимир Васильев сказал: «Я знаю: если кто-то из учеников Улановой пойдет на компромисс — на сцене или в жизни, все равно, — он потеряет ее навсегда...» Кого-то из прежде близких людей Галина Сергеевна отвергла именно таким образом. И, вспомнив дружбу с профессором Николаем Николаевичем Качаловым и актрисой Елизаветой Ивановной Тиме, оказавшимися на Уланову большое влияние, она говорила: «Они были настоящими людьми, какими должны быть люди и теперь... Но, может быть, раньше верили в бога так, как они верили в театр, в жизнь, в честную жизнь, в настоящую жизнь без каких-то компромиссов».

В Одном из писем Ларионов сказал об Улановой: «Люди создают окружающее их, но и окружающее так же влияет на людей». И ошибся. Окружающее на Уланову влияло очень избирательно. Она всегда оставалась самой собой, не произнося жалких верноподданнических слов, не идя на сделку со своей совестью, чего бы это ни стоило.

Так случилось, что я много лет бываю в доме Улановой и, хотя она скучно рассказывает о себе, могла бы написать: «Помню, она мне рассказывала... однажды Галина Сергеевна сказала...»

Могла бы, но не получается.

В черновике я записала уже историю о том, как пытались познакомить на Галину Сергеевну, чтобы в балетном конкурсе лучшими были только советские танцовщицы, а она ответила...

Как ей вручали награду и заранее поясняли, кого и как благодарить, а она сказала... О том, как она спасла близких друзей от возможного ареста и не побоялась угрозы ссылки... И о многом другом...

Я ей сказала, что хотела бы об этом написать. А Галина Сергеевна, каменея лицом, тихо и твердо: «Я раньше об этом публично не говорила и не считаю возможным подробно рассказывать всем об этом сейчас...»

Я не могу ее слушаться, и думаю, что в самих запретах, слышанных мною (и не только мною) — «не хочу учить мир... не хочу сталкивать людей...», — черта характера истинных русских интеллигентов, которые воюют несчастной нашей отечественной судьбы так редко и, наверное, поэтому так таинственны.

Так мало у нас осталось подлинных аристократов духа со своим высоким кодексом чести, со своей высокой школой нравственных ценностей, которыми не поступаются не только

на людях, а и для себя, в гишине, без света рампы.

Уланова действительно была сильнее, чем казалась при неблизком знакомстве. Затворница, молчаливица, беспартийная Галина Сергеевна — борец по натуре, по сущности своей, по своим симпатиям и антипатиям. И в этом, наверное, часть неразгаданной загадки. Ведь борьба могла не только тем, что ты говоришь и пишешь, а тем, как думаешь, как живешь, как поступаешь.

Удивительно, как люди, живущие в другом мире, думающие на другом языке, понимали Уланову. Айрис Морли, английский балетный критик, писала: «Чистота, правда и грация исходят от нее, как свет от звезды, и создают образ, который вызывает абсолютное доверие».

Неразгаданный свет... Наверное, это и есть та самая духовность, которую мы потеряли.

Мы сейчас привыкли к громким примерам, впервые публикуемым письмам и заявлениям. К сегодняшней видной, частично честной и мужественной борьбе. Ничего более далекого, чем трибуна, заявление, митинг и Уланова, нет. Галина Сергеевна письма и заявления писала очень редко. Только когда надо было защитить чье-то творчество. И, конечно же, никогда никого не предавала, не обличала.

Представьте себе, какой была бы жизнь наша, если бы все, все до единого отказались кинуть камень в Ахматову, в Зощенко, в Пастернака, в Сахарова. Не представляем. Ибо это была бы не наша жизнь.

Может быть, потому, что Уланова прожила в нашей очень трудной жизни, сохранив несгибаемую чистоту и правду, она нам кажется таинственной и загадочной.

И, пожалуй, не удивительно, а объяснимо (увы, часто другая система ценностей!), как точно это чувствовали за границей. Одна из американских газет писала: «Если где-нибудь в космосе есть цивилизация выше нашей, то Уланова была бы лучшим посланием нашей планеты».

О ТНОШЕНИЯХ границины с Улановой тоже своего рода загадка. Она в других странах так же сторонится всякой рекламы и бежит от внимания прессы, телевидения, как и у нас. И все-таки за границей в имени Улановой относятся зачастую внимательнее, трепетнее.

В марте 1984 года на открытии скульптуры Улановой в Стокгольме президент Международного комитета танца ЮНЕСКО Бент Хеге сказал:

— Мы живем в жестокое и, я бы сказал, жестокое время. Если дело пойдет так дальше, — во что я, впрочем, не верю, я оптимист, — мы можем стать все чужими друг другу.

Вот почему нам нужны люди, которые нас объединяют, прокладывая дорогу от сердца к сердцу, люди, которыми мы все одинаково восхищались, которых мы бы боготворили. Я думало, что Уланова — тот человек, который может принять на себя нашу подобной высокой миссии. Она ей по плечу.

Тогда еще многие у нас жили иллюзиями и могли подумать, что «жесткое и жестокое время» — это не про нас. Гогда же те, кто с иллюзиями сам рассстался, не думали, что так скоро у нас окажется столь много разделяющего.

Оказалось: это и про нас тоже.

И дай нам Бог побольше прозорливости. И дай Бог Галине Сергеевне здоровья, чтобы дальше так же тихо и с таким же чувством меры выполнять эту высокую миссию на земле — человека, который заставляет нас думать о духовности.

Елена БРУСКОВА.

● Галина Уланова в лондонском доме Анны Павловой (публикуется впервые).

● Репетиция.

Фото В. Пчелкина.

[Публикуются впервые].

● Уланова — Джульетта.

Рисунок Ник. Соколова.